



Моя трагедия на Нангапарбат

ЖИТЬ!

Элизабет Револь

*Там, наверху, мне было очень тяжело,
почти невыносимо, но притяжение гор
«всегда оказывалось сильнее».*

Бестселлер Amazon

Элизабет Револь
Жить! Моя трагедия
на Нангапарбат
Серия «Рожденные выжить»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57771568
Жить! Моя трагедия на Нангапарбат: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-127432-0, 978-2-0814-7909-8

Аннотация

25 января 2018 года 37-летняя француженка Элизабет Револь поднялась на гору Нангапарбат в Пакистане и вошла в историю альпинизма как вторая женщина, сумевшая совершить зимнее восхождение на восьмитысячник в Гималаях. Подъем она совершала со своим товарищем – польским альпинистом Томашем Мацкевичем. Но эйфория победы была недолгой. Едва достигнув вершины, триумф превратился в кошмар. Элизабет пришлось принять самое тяжелое и трагическое решение в своей жизни.

Это предельно откровенный дневник смелой альпинистки, готовой в любой момент бросить вызов суровому гималайскому гиганту. Исповедь удивительно смелой и стойкой женщины, полная оптимизма, искренней дружбы, воли к жизни и огромной любви к суровым горным вершинам.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

23 мая 2019, 10:50	6
25 января 2018 года	13
Нангапарбат (Пакистан), Четвертый лагерь	13
10:45, выше отметки 7500 метров	21
25 января 2018 года	37
Вершина Нангапарбат, 8125 метров	37
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Элизабет Револь Жить! Моя трагедия на Нангапарбат

Élisabeth Revol

VIVRE

© Editions Flammarion, Paris, 2019 (Arthaud)

© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский язык,
2020

23 мая 2019, 10:50

Эверест, вершина! Потрясающий вид, эмоции бьют через край. Как здесь красиво! Настоящий подарок неба – оказаться на вершине самой высокой горы на Земле, окруженной ледяными пиками – ее часовыми! Наконец-то я осуществила свою детскую мечту. Я живу и возрождаюсь.

После возвращения с Нангапарбат в феврале 2018 года я всей душой прикипела к этому проекту. Мысль об Эвересте «держала» меня. Этот проект сохранил мне жизнь, несмотря на то что я то и дело проваливалась в черные пропасти отчаяния.

Я провела два дня в госпитале в Исламабаде и вернулась во Францию 30 января 2018 года. Потом была еще неделя в отделении интенсивной терапии в больнице города Салланш, которую осаждали журналисты. И только 7 февраля, во время пресс-конференции в Шамони, я вдруг осознала, вернее, допустила мысль о том, что надежды на спасение То-мека¹, в связке с которым мы совершали восхождение, больше нет. Во время этой пресс-конференции, почти без сил, переживая страшное потрясение, я пыталась отвечать на вопросы. Потом я вернулась домой, в Дром². Наконец-то. Вра-

¹ Томаш Мацкевич. Здесь и далее – примечания переводчика.

² Дром (La Drôme) – департамент на юго-востоке Франции.

чи объявили шестинедельный перерыв в лечении моих обмороженных рук и ног, потом должен был начаться следующий этап.

Пока я выздоравливала, меня посетил один из моих спонсоров – Филипп Рей-Горрез, основатель и управляющий компании *TeamWork Voile et Montagne*. Он спросил, чем бы я хотела заняться. Я ответила, что в детстве каждый вечер смотрела на постер с фотографией Эвереста, который висел в моей комнате, и мечтала. Это была моя первая мечта, путеводная звезда будущей страсти. В мае 2017 года я провела два удивительных месяца в Гималаях, среди высочайших гор нашей планеты. Я была на Макалу, взбиралась на Лхоцзе, бросила вызов Эвересту – в одиночку, без дополнительного кислорода. Мое сердце опьяняла радость от того, что я могу исследовать склоны этой горы! Но, когда я поднялась на 8400–8500 метров, метель и сильный холод заставили меня отступить. Вернуться сюда еще раз было очень дорого, шансов, что моя мечта осуществится, почти не было. «В тот день, когда ты решишь вернуться на Эверест, – сказал мне Филипп Рей-Горрез, – я буду здесь, чтобы помочь тебе. Ты можешь покорять эту гору без дополнительного кислорода, но со страховкой: рядом пойдет человек, у которого будет кислород. На всякий случай». Я почувствовала теплое дыхание жизни, которая разжала руку, все это время сжимавшую мое сердце, словно камень. Услышав слова Филиппа, я на мгновение перенеслась на ледопад, увидела свою палатку в

Четвертом лагере, залитую светом луны – полной, прекрасной, окруженной сверкающими звездами. Я увидела себя на Ступени Хиллари, задыхающуюся, едва бредущую, но переполненную эмоциями. Встреча с Эверестом все еще оставалась призрачным, неверным, неясным будущим, но *возможность* засияла, освещая бездну, в которой я находилась. Впервые после возвращения во Францию я увидела луч света.

Мысль об Эвересте заставляла меня цепляться за жизнь, я думала об этом проекте целый год. Я сразу рассказала о нем Жан-Кристофу, моему мужу, и Людовику Джамбьязи, моему лучшему другу и «штурману». Я сказала им, что единственный проект, который все еще дорог моему сердцу, отданному Гималаям, – это Эверест. Я думала о нем каждый раз, когда земля уходила у меня из-под ног, когда я снова погружалась в бездну вины и горьких воспоминаний.

Год спустя, в апреле 2019 года, я отправилась покорять новые высоты в край разреженного воздуха, который манит меня с тех пор, как в 2008 году я увидела ледник Балторо в Пакистане. Собирая рюкзак, я испытывала противоречивые чувства. Меня переполняли радость, ощущение свободы, ожидание реванша – возможности отыгаться за предыдущий год, уверенность – сейчас или никогда! Но я также чувствовала сомнения и страх – справлюсь ли я, выдержат ли мои обмороженные руки и ноги холод, смогу ли я снова бросить вызов высоте, устраиваться на ночлег на склоне го-

ры, вспоминая дорогих мне людей, которые оказали большое влияние на мою жизнь и так рано ушли?

У меня настоящая горная аддикция. Спускаясь с Нанга-парбат, я вдруг поняла это. Уже в 2009 году, возвращаясь на Аннапурну, я пережила ужасный период переосмысления и сомнений. Когда вылетаешь из игры, начинаешь задавать себе вопросы о той непреодолимой тяге, которая постоянно гонит тебя наверх, и осознаешь, что стал зависим.

Я подцепила вирус скалолазания, когда мне было двадцать лет. У меня развилась «горная булимия». Когда мне было десять, я прошла в Альпах большинство маршрутов и склонов. Хотела, чтобы было трудно, искала возможность проявить себя. Усилие, подъем, волнение, стресс, вопросы, которые задаешь себе, и, наконец, ощущение полноты жизни — я снова и снова наслаждалась этим коктейлем, каждый раз чуть больше. Когда в 2007 году в моей жизни появились Гималаи, передо мной открылся мир, который можно было бесконечно исследовать: подниматься на новые вершины, узнавать, на что я способна, испытывать себя на прочность на огромной высоте.

Там, наверху, мне было очень тяжело, почти невыносимо, но притяжение гор всегда оказывалось сильнее. Трудно объяснить и трудно понять, но это то, без чего я не могу обойтись. Та среда, в которой я живу уже больше десяти лет.

Возможно, экспедиция на Эверест, в которую я отправляюсь сейчас, позволит закрыть данную главу моей жизни.

Поставить точку в этой истории. Победить страсть, которая заставляет меня чувствовать жизнь острее и в то же время становится всепоглощающей, маниакальной, застилает все остальное так, что иногда я не могу с ней совладать.

Сначала я планировала вернуться в Диамирское ущелье, к Нангапарбат. Ради Томека и чтобы примириться со своими воспоминаниями. Но после того как в марте 2019 года на склонах этой горы погибли Даниэле Нарди и Том Баллард, я решила туда больше не возвращаться. Та трагедия потрясла меня, парализовала. Нангапарбат снова настиг меня. Даниэле был моим близким другом, он очень много сделал, чтобы спасти нас с Томеком, а год спустя я оказалась по другую сторону: круглосуточно была на связи с пакистанскими спасателями, которым пыталась помочь своими знаниями о маршруте к ребру Маммери. Мне оставалось только ждать, чувствуя бессилие, – так же в 2018 году Даниэле, не отлучаясь от компьютера, не выпуская из рук телефон, сидел, чтобы помочь мне. Но все мои усилия оказались тщетными.

Переживая горе, я снова вернулась к тому, что произошло с Томеком и со мной в 2018 году во время спуска с Нангапарбат, и кое-что осознала. Любая драма, которая разыгрывается в горах, притягивает интерес средств массовой информации и определенной части публики, которая превращает это в онлайн-шоу в социальных сетях. Кроме того, существует разница между тем, что видно со стороны, и тем, что происходит на самом деле; сиюминутные выводы аналитиков, каж-

дый из которых высказывает свою точку зрения, отстаивает свой взгляд; оскорбления и клевета, которые соцсети разносят, повергая семьи погибших в еще большее смятение; слухи, из которых делаются поспешные выводы. Но кто *на самом деле* знает, каково там, на склоне горы? Кто был там?

Тем не менее, новая трагедия не разрушила моей мечты об Эвересте. Экспедиция, в которую я сейчас отправляюсь, по всем параметрам далека от моих обычных восхождений, но в этом году я отказалась от большинства своих стандартов. На время забуду о покорении Гималаев и отправлюсь на встречу с неизведанным. Я также не буду испытывать себя на прочность. На этот раз я ищу на Эвересте нечто совсем иное, глубоко личное. Обычный маршрут отлично мне подойдет, я не хочу рисковать. И совсем не хочу подвергать новым испытаниям Жан-Кристофа. Может быть, я слишком много взяла на себя тогда. Катастрофа, гибель Томека жестоко напомнили мне о том, какой хрупкой бывает жизнь.

Я отправляюсь на Эверест со спокойной душой, в этот раз мне нужно совсем другое. Я пока не могу идти с кем-то в связке и особенно брать на себя ответственность за другого человека.

После того как я написала о том, что случилось с нами на Нангапарбат, я чувствую удивительную легкость. Я своими словами рассказала о пути, который мы прошли, о том, во что верили и как боролись. А еще о том, что не попало в прессу, но тоже было частью нашего восхождения. Я должна

была сделать это ради Томека.

25 января 2018 года

Нангапарбат (Пакистан), Четвертый лагерь

На рассвете верх ребра Мазено сверкает под ослепительным солнцем. Свет словно поднимается из бездны. Пейзаж выступает из мрака, серое небо становится голубым. День обещает быть прекрасным. Наконец-то! Целых три недели плохая погода удерживала нас в Кутгали на высоте 3800 метров. Скорость ураганных ветров на Нангапарбат не опускалась ниже 70–80 км/час на высоте 6500 метров. Выше бушевала буря, там скорость ветра достигала 150 км/час. Но сегодня после долгого ожидания мы сможем отправиться к вершине!

Мы продвигаемся вперед, один за другим. Медленно, размеренным шагом. Я люблю такие моменты. Можно включить автопилот, освободить голову. Сорок пять дней назад мы приземлились в Исламабаде, месяц, как мы в Гималаях, находимся у подножия девятой из самых высоких вершин мира (8125 метров). Ее название переводится как «голая гора». Иногда еще ее называют Диами́р, «властелин гор». Или «гора-убийца», потому что на ее склонах погибло более

тридцати альпинистов, пока австриец Герман Буль не поднялся на ее вершину в 1953 году.

Томек в седьмой раз попытается совершить восхождение на Нангапарбат, я – в четвертый, и это третья наша совместная попытка: зимой 2015 года мы поднялись на 7800 метров, в 2016 году – на 7500. Но оба раза плохая погода заставила нас отступить. В то утро, незадолго до 6 часов утра, я отправила из Четвертого лагеря сообщение Жан-Кристофу. Свой спутниковый телефон «Турайя» (Thuraya) я оставила в базовом лагере, потому что у нас не было генератора, чтобы заряжать его, хотя мы договаривались о генераторе с нашим агентом Али. Так что я использовала функцию «Сообщения» в моем коммуникаторе и GPS-навигаторе «ИнРич» (inReach). Сообщения получаются краткими и требуют некоторых усилий при расшифровке: максимум 160 символов: «Все норм сгдн планируем к-ч если погода будет ок если нет спуск». Мы также обменялись метеосводками с моим большим другом Людовиком, который из Гапы, где он живет, выполнял функции нашего штурмана. Ему помогала жена Томека Анна.

Мы с Томеком выдвинулись в путь только в 7:30. Немного задержались, потому что он никак не мог согреть ноги. Перед выходом на маршрут – это самое главное. Мы использовали горелку, чтобы растопить лед на его ботинках, прогреть вкладыши в них и гамаши. Пока он надевал все это на одну ногу, я грела второй комплект. Это было долго и ма-

лоэффективно. Из-за потоотделения и экстремально низкой температуры сохранять обувь сухой было трудно: она промерзала и снаружи, и внутри. Даже при ходьбе было трудно согреться. Том дорого заплатил за попытку покорить Нангапарбат в 2015 году – он обморозил ноги. Так что в этом году нашим лейтмотивом стала забота о том, чтобы сохранить обувь сухой. Мы брали с собой в спальники вкладыши в ботинки, чтобы за ночь они высыхали и оставались теплыми. В Исламабаде нам пришла в голову идея обернуть стопы фольгой, чтобы сохранять тепло на высоте сверх 5800 метров. В тот день мы с Томеком решили опробовать эту идею. Я отошла от правила: никаких непроверенных затей в день покорения вершины, и пожалела об этом, как только мы выбрались из трещины, где находился наш бивак. Вместо того чтобы защищать пальцы на ногах, фольга их морозила. Что ж, тем хуже, мы уже вышли, а значит, продолжим. Если будет слишком холодно, потом сниму фольгу. Том не жаловался – наверное, у него все было в порядке.

Мы оставили все свои вещи в Четвертом лагере, на высоте 7300 метров, в расщелине, где провели ночь. За день мы должны подняться на вершину и спуститься обратно. Это самая приятная часть восхождения: больше не нужно тащить рюкзак и устраивать бивак. У нас с собой было по литру воды и по три энергетических батончика на каждого, маски, навигаторы, фотокамеры, высотная аптечка (одна на двоих), мой коммуникатор, пара перчаток и пара защитных рукавиц.

Мы наслаждались тем, как легко стало дышать и двигаться, радовались вновь обретенной ловкости тел. Ощущения были противоречивые – без рюкзаков мы будто летали, но в то же время ноги на такой высоте словно наливались свинцом.

Я и Томек не разговаривали, экономили силы. Только звуки нашего дыхания, движения и свистевший над головами ветер нарушали тишину. Под множеством слоев одежды – шерстяной шлем, шапка, капюшон флиски, капюшон пуховика. Лишь время от времени мы перебрасывались парой слов, чтобы не терять контакт друг с другом:

– Том, все в порядке?

– Да, Эли.

– Отлично.

Длинными фразами тут не говорят. Мы немало потрудились, разрабатывая свою систему знаков и протоколы безопасности. Оба знали, что совсем одни здесь, и никакой помощи, кроме как от нас самих, ждать не приходится. Я часто говорила с Томом об этом.

Мы перебрались через огромную трещину. Заработал мой внутренний метроном, я двигаюсь быстрее, в своем ритме, иду вперед. У каждого из нас свой стиль восхождения. Том – трактор, работает на дизельном топливе, а я скорее нервный и быстрый бензиновый двигатель – утром завожусь быстро, без разогрева. Том любит идти один, говорить с Богиней, по-

кровительницей Нангапарбат³, поднимается он медленно. Я тоже люблю идти одна, в свете налобного фонаря или луны, или при вселяющем надежду свете дня, отдавшись потоку эмоций, которые я сдерживаю, когда мы вдвоем. В это время я мечтаю, думаю о будущем, люблюсь окружающей нас ледяной красотой, потрясающей свежестью бесконечных заснеженных склонов.

Мы с Томеком гордимся, что снова поднимаемся на эту гору в альпийском стиле⁴, с минимальным количеством снаряжения. Наша цель – подняться и спуститься как можно быстрее, чтобы не сложить голову там, где воздух такой разреженный, а наши возможности столь ограничены. Не оставляя следов своего пребывания, без чьей-либо помощи и кислорода, в полном согласии со своими этическими принципами, с нашей горной философией. Снова и снова приезжая сюда, мы хорошо узнали Нангапарбат и на что мы способны на такой высоте. При восхождении в альпийском стиле нужно быть спаянной командой, дополнять друг друга. Именно такой командой мы с Томеком и были – всегда готовыми под-

³ Джомо Мийо Ланг Сангму – богиня, обитающая на Эвересте. Прежде чем альпинисты начинают восхождение на вершины Непала, проводится священная церемония «пуджа» – благословение горы. Богиню, обитающую на Эвересте, просят о безопасном пути и долгой жизни.

⁴ Мало кто из альпинистов рискует совершать восхождение на восьмитысячник (да еще зимой) в альпийском стиле – в максимально быстром темпе, без кислорода и страховочных веревок, не пользуясь услугами носильщиков, вообще без посторонней помощи. *Примечание автора.*

бодрить друг друга. Все решения принимали вместе; наша двойка работала просто, без капризов и пререканий. Если кто-то из нас чувствовал себя не очень хорошо, мы тут же без сожалений и чувства вины возвращались обратно.

Погодные условия здесь всегда очень тяжелые, но эта зима выдалась особенно холодной. У нас не было права на ошибку, мы это прекрасно понимали. Но мы часто говорили друг другу: «Этот трудный день все равно гораздо легче, чем рабочий день там внизу!» Здесь тяжело, но нам это нравится. Возможно, мы получаем удовлетворение именно от совершенных усилий, от преодоления себя. Управлять своим телом, идти вперед, не обращая внимания на боль, не опускать рук, не прислушиваться к тихому внутреннему голосу, который иногда спрашивает: «Зачем ты вообще сюда полез? Это же бессмысленно, остановись!»

Мы подошли к вершинной пирамиде. Она огромна, и мы находимся у самого ее подножия. Нам предстоит подниматься по склону, в леднике видны многочисленные трещины, я и Томек обходим их. Издалека ледники всегда кажутся гладкими и смирными, но на самом деле там не все так просто. К счастью, этой зимой снега было не очень много, и его уже унесло ветром. Трещины открыты, их хорошо видно.

Вижу зафиксированную веревку. Что это, след из прошлого, который пережил таяние ледника? По сравнению со вчерашним днем гора изменилась. До сих пор перед нами была девственно пустая местность, а теперь мы видим следы дру-

гих экспедиций, побывавших здесь за многие годы. Вчера заметили палатку Четвертого лагеря на классическом маршруте, ниже того места, где мы остановились. Сегодня – зафиксированные веревки и остатки палаток. С одной стороны, это успокаивает, а с другой – сбивает с толку.

Через несколько шагов – другие веревки, гораздо более свежие, вроде тех, что провешивают носильщики-шерпы, чтобы обезопасить своих клиентов и облегчить им подъем. Они натянуты в трещине, через которую нам нужно пройти.

– Том, видел веревки? Странно, что их еще видно, ведь осень прошла.

Обычно зимой веревки засыпаны снегом и покрыты льдом.

Я иду вдоль веревок, потом сворачиваю направо, к каменистому островку посреди склона. По мере того как склон становится все более отвесным, под моими ногами открывается бездна. Невероятный простор. Куда теперь? К счастью, за островком веревки продолжают указывать нам путь. Я не пользуюсь веревками, совершенно не доверяю им. Я вбиваю ледорубы и зубья кошек, чтобы преодолеть покрытый льдом участок. Лед очень твердый. Ледорубы приходится вбивать по два раза, попутно обрушивая одну или две «стопки» ледяных наслоений. Это признак плохого льда. Продолжаю идти по снегу. Бросаю взгляд на Тома. Он недалеко. Подожду его на солнце, здесь слишком холодно! Переход очень длинный – многокилометровый подъем, последние метры

перед вершиной на таком рельефе даются с большим трудом.

10:45, выше отметки 7500 метров

Наконец, я выхожу на солнце, и могу воспользоваться этим случайным теплом. Останавливаюсь и достаю энергетический батончик, чтобы отпраздновать. Здесь очень красиво. Мое лицо покрыто инеем. Челюсти застыли, скованные утренним холодом и ледяным ветром.

Том подходит. Он движется в нужном темпе, хорошо выглядит, его борода покрыта инеем. Мы чувствуем себя нормально. Небо слегка затянуло облаками, температура еще упала. Продолжаю идти. Но через несколько метров я понимаю, что облачный покров обманчив и солнечное излучение очень интенсивно. Достаю из рюкзака маску. Оборачиваюсь:

– Том, ты надел маску? Осторожнее на солнце!

– Да, Эли, не волнуйся!

Я продолжаю идти в своем темпе, Томек следует за мной в нескольких десятках метров позади. Мы – два одиноких человека на этой огромной горе, но это нас не пугает, скорее наоборот. Нам нравится бесконечная свобода! За ней мы сюда и пришли.

Я поднимаюсь в сторону покрытого снегом гребня и седловины у правой вершинной вертикали. Том кричит, что нужно двигаться налево, вершина сейчас на главной оси. Я знаю, Том, просто хочу посмотреть, что за ней. Каменистая вершина впереди интригует меня. Я хочу осознать величие

этого места. В седловине я прохожу немного вперед, чтобы увидеть больше. Эта проклятая привычка у меня еще с детства: всегда стремиться узнать, что там – выше или дальше, вдруг за тем, что мешает обзору, скрывается потрясающий вид! Я смотрю и не могу налюбоваться. Вдали ребро Мазено врезается глубоко в небо, сверкающее так, будто оно за завесой из танцующих в воздухе блесток. Ветер гонит вдаль тучи, полные снега. Я *вижу* ветер, но не слышу, закутанная в шапки, капюшоны и маски. На мгновение я полностью растворяюсь в этой красоте.

Нам повезло, солнце заливает склон, но мы полностью укрыты от него. Я возвращаюсь и делаю остановку, дожидаясь Тома. Пью воду, съедаю энергетический батончик.

Мы выше 7500 метров. Для альпинистов это символический рубеж, вход в так называемую «зону смерти». Мне не очень нравится ни это название, ни само понятие, но сегодня я не обращаю на это внимания. Мы не успели как следует акклиматизироваться, плохая погода внесла коррективы в нашу программу. Пока у меня все в порядке, я знаю пределы возможностей моего тела, но все равно внимательно прислушиваюсь к его сигналам. Сейчас я хочу есть, и это хороший знак!

Карта местности у меня в голове, я как следует запомнила ее еще во время подготовки в базовом лагере, снова и снова повторяя: «Вдоль карниза, который поднимается, поворачивая направо, до седловины, потом налево до начала рас-

ширяющегося кулуара, потом вверх по нему, немного направо, потом направо перед выходом из кулуара, между главной вершиной и северной, и, наконец, вверх по смешанному участку, забирая направо, до самого купола».

Но когда ты оказываешься на поле изо льда и снега, все становится далеко не так ясно. Я должна сосредоточиться, чтобы разглядеть, изучить, узнать, принять решение. Здесь все другого масштаба, и нет отметок, как на карте. Даже в Альпах легко заблудиться, несмотря на подробнейшие карты и логику восхождения, продиктованную самим рельефом. А здесь царство искаженных пропорций, бесконечных стен, ледяных полей, отполированных не знающими усталости ветрами и снегом, каменистых ступенчатых уступов.

На середине подъема на пирамиду мы попадаем в смешанную зону под осью вершины. Приходится лавировать между снежными склонами, искать линию наименьшего сопротивления⁵. Искать, следовать карте, подниматься, спускаться, карабкаться, ползти вниз, балансировать на передних зубьях кошек. Цепляться за узкие каменистые карнизы пальцами в перчатках. Нащупывать надежную точку опоры, чтобы в безопасности идти вперед, словно канатоходец по канату. Вокруг все такое огромное, что это дезориентирует: я и представить себе не могла то, что увидела здесь. Мы с То-

⁵ При восхождении на склон альпинисты используют «линии наименьшего сопротивления» – отрезки пути с наименьшей крутизной и где не так скользко, что позволяет обойти сложные участки и продолжить движение.

мом постоянно переглядываемся, поддерживаем контакт на расстоянии. Я должна поделиться с ним моими сомнениями насчет маршрута. Он во всем доверяет мне, соглашается и следует за мной.

Я предельно сосредоточена на том, что делаю. Мое поле зрения ограничено пятьюдесятью метрами вверх или назад – чтобы убедиться, что Том идет за мной. Скала крепкая, она состоит из гранита, гнейса и пегматита. Мои кошки оставляют царапины на узких каменных складках, рельеф становится более устойчивым; по мере того как мы поднимаемся, нам приходится все труднее. Я чищу шипы, забитые снегом. Слава богу, ветер пока не поднялся. Обернувшись, чтобы посмотреть, как там Том, и убедиться, что все в порядке, задерживаюсь взглядом на ребре Мазено справа: там бушует ветер.

Мне нравятся отрезки пути, когда я максимально сосредоточена и спокойна, а вокруг полная тишина. Сосредоточенно следя, чтобы шаги были выверенными, а хватка рук крепкой и точной, я обдумываю следующие движения. Время как будто исчезает. Воздух становится все более разреженным. Сердце бьется быстрее. Взявшись за выступы, я задыхаюсь. Все здесь просто огромное.

Начиная с этого утра, мы работаем без веревки, она осталась в Четвертом лагере. Мы с Томеком решили, что она нам не понадобится. Разговариваем мало. «Ты как?» – «Ок!» Сосредоточенно продвигаемся вперед. Мы как будто окруже-

ны коконом, отделяющим нас от внешнего мира. Чем дальше мы идем, тем больше я вырываюсь вперед. Разрыв между нами увеличивается.

Томеку этот отрезок пути не нравится.

– Эли! Свернем налево, в кулуар?

Он прав: мы идем слишком медленно, теряем время на скально-ледовом участке.

– Идем!

На моем уровне как раз есть линия наименьшего сопротивления. Я жду Томека на краю кулуара. Его стены в волнистых складках из плотного снега, наметенного ветром. В горах я видела такое всего один раз – у вершины Аннапурны в 2009 году: волны больше метра высотой тянулись вдоль ребра на протяжении километров, и сотни шлейфов рыхлого снега обрушивались на южном склоне, поднимая белые облака снежной пыли. Захватывающее зрелище... Дожидаясь Томека, я пытаюсь понять, куда двигаться дальше.

Мы снова и снова повторяем одни и те же движения: вбить ледоруб, опереться на палки, левая нога, правая нога... Я почти не останавливаюсь. А Том наоборот, через каждые тридцать или сорок шагов делает тридцатисекундную или минутную передышку, отдыхает и снова продолжает путь.

Вернувшись, я узнаю, что в этот самый момент в базовом лагере за нами наблюдает Альтаф, пакистанский военный. Увидев нас, он отправляет сообщение нашему агенту Али Сальторо:

«Преодолели 8000 метров. Продолжают восхождение, идут вперед». Али передает сообщение дальше, во Францию – Людовику, в Италию – моему другу, альпинисту Даниэле Нарди. Информация стремительно распространяется в интернете. Но целое море облаков, приплывших от Рупальской стены, затопило ребро Мазено и Диамирское ущелье. Никто больше ничего не видел – ни они, ни мы. Мы остались одни на огромной высоте.

Кулуар делается уже, и волнистые складки из снега и льда становятся все более внушительными.

Температура комфортная, я чувствую себя хорошо.

Мой взгляд блуждает, останавливается на двух пирамидах, сложенных из камней, – слева, на уровне гребня. Две кучки камней притягивают мой взгляд, я чувствую волнение. Оборачиваюсь, чтобы посмотреть, где Томек.

Солнце становится все ярче. Небо уже не лазурно-синее, оно выцветает, приобретает желтый оттенок. Время движется к вечеру. Солнце освещает Нангапарбат, единственную вершину, возвышающуюся над морем облаков. На ребре Мазено поднимается сильный ветер. Облака перемещаются, окружают пирамиду выше ее основания. Пейзаж завораживает. Мы уже недалеко от вершинного треугольника. Но сколько сейчас времени? Я включаю коммуникатор, чтобы посмотреть, на какой мы высоте, и свериться с графиком, и вижу два сообщения – одно от мужа, другое от Людовика. Но отвечать на них здесь очень трудно. Едва я сняла перчатки,

чтобы включить ИнРич, как у меня защипало руки. Так что я просто отправляю им информацию о нашем местонахождении, чтобы успокоить их: 8036 метров, время 17:15. Неплохая высота, но мы отстаем от графика... Мы потеряли время внизу, на скально-ледовом участке, слишком долго петляли из стороны в сторону! Утром мы обнаружили, что разбили Четвертый лагерь очень далеко от вершины. Но вчера выбирать не приходилось: стояла белая мгла, нас поливал дождь со снегом, видимость была нулевая. Идти к вершине было невозможно.

Подъем длится уже десять часов, до вершины осталось девяносто метров. Я выключаю коммуникатор, убираю его обратно в пуховик, чтобы сохранить заряд аккумулятора. Рискуя потерять пальцы, я все-таки хочу запечатлеть потрясающую атмосферу. Быстро достаю экшен-камеру GoPro и, снимая пейзаж, думаю о том, какое направление выбрать дальше. Я разговариваю со своей камерой. За несколько экспедиций она стала настоящей подружкой, помогает скрасить одиночество. Я вижу Томека, он идет в своем темпе, у него все в порядке. Я рада, что он сегодня хорошо себя чувствует. С середины января у него начались проблемы с пищеварением. Гигиена в базовом лагере оставляет желать лучшего, особенно учитывая, что наши желудки к такому не привыкли: еду там готовят прямо на утоптанной земле. Наш повар Шаркан месил тесто, готовил лепешки чапати, резал мясо и разводил огонь совершенно черными руками. Воду иногда

не кипятили, а едва нагревали. Томек, обычно очень выносливый, впервые пострадал от антисанитарии, он плохо себя чувствовал и много дней был этим совершенно измотан. Он был уверен, что источником его проблем стал хлеб, который пек Шаркан. Это было очень странно, но он считал, что у нашего повара была «миссия» сорвать его восхождение на гору! Никогда прежде я не видела Томека в таком состоянии: нервным, обозленным, после того как Симоне Моро «украл» у него «его» гору, совершив в феврале 2016 года первое зимнее восхождение на Нангапарбат. Томек так ожесточился, что это уже граничило с паранойей. Я видела, что он очень изменился, и еще мне показалось, что он сильно упал духом. В базовом лагере я страдала от гнетущей атмосферы, безуспешно пытаюсь образумить Томека и вернуть его к реальности.

К счастью, после того как мы поднялись во Второй лагерь на высоте 6600 метров и целый день 22 января был посвящен отдыху, Томек как будто пришел в себя и восстановился. Он стал лучше есть, улыбался и снова начал напевать.

Я слышу скрип его шагов и спрашиваю:

– Том, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, все в порядке. А ты?

– Отлично. Том, как поступим? Сейчас 17:15, мы на высоте 8036 метров. Ребро Мазено затягивает облаками. Мы ничего не увидим. Что ты хочешь – продолжим или пойдем обратно? Станет еще холоднее, и если продолжим, то на вер-

шину поднимемся ночью.

– Идем дальше. Мы уже недалеко. И тут не так холодно.

Если бы один из нас хоть чуть-чуть засомневался или выдвинул аргумент против того, чтобы идти дальше, мы бы тут же повернули назад. Но мы оба хотели продолжать подъем, и нам не нужно было объяснять друг другу почему. Томек очень хотел этого, и я тоже. Меня смущало то, что мы так отстали от графика, а также приближение ночи, и у Томека это, конечно, тоже вызывало опасения, но желание идти вперед и эмоции победили. У меня был опыт ночного спуска в прошлом мае с вершины Лхоцзе (8516 метров), с этого высокого соседа Эвереста. В моих воспоминаниях этот спуск ассоциировался с огромной радостью, которую я тогда пережила, и еще я помнила, что вечером было теплее, чем утром. И я сказала себе, что и сейчас мы справимся. Облака, конечно, закрывают вид на гору, но мы можем продолжать. Мы здесь, чтобы попытаться, чтобы максимально выложиться, используя лучшее, что в нас есть.

Я много думала о решениях, которые мы приняли на протяжении того дня. Во время восхождения я постоянно выбираю, анализирую, отсеиваю варианты. Но за девяносто метров до вершины Нангапарбат сработали другие факторы: чувство, что цель так близка, эмоции, азарт, удовольствие от подъема и то, каким важным было для меня это восхождение. Я думаю, что Том испытывал то же самое, и мы быстро

приняли решение продолжать.

Мы все также монотонно и размеренно поднимаемся по кулуару. Это долгий подъем. Дорога кажется бесконечной, вершину еще не видно. Напряженный, волшебный момент. Я смотрю, как туман затягивает долину, и боюсь, как бы он не накрыл внезапно и нас, тогда мы не будем видеть друг друга. Но, кажется, этого опасаться не стоит, туман остановился внизу.

Тени становятся длиннее, скоро зайдет солнце. Холод усилится, станет еще более пронизывающим, но сейчас закат – и он великолепен. За всю свою гималайскую жизнь я не видела ничего красивее. Это волшебно. Море плотных облаков закрывает все горы, кроме величественной вершины Нанга-парбат, которая врезается в пурпурное небо. Но вот розовое небо стало темно-синим и холодным, жалящий холод пришел на смену почти уютной атмосфере.

Зубья кошек врезаются в твердый зернистый снег. В нескольких метрах над нами появляется выход из кулуара. Нужно идти вперед – медленно, не думая, почти автоматически.

Теперь под ногами более сухой скально-ледовый участок. Мы находимся слева от вершины. Поднимаемся, забирая вправо. Темнеет. Я достаю налобный фонарь. Жду Томека. Темнота мешает видеть, что перед нами. Я вижу только то, что освещает луч фонаря, пробивающий темноту на двадцать метров вперед. Лицо Томека покрыто обледеневшим

инеем. Скованные холодом челюсти едва двигаются, но нам удастся обменяться несколькими словами:

– Все в порядке?

– Да.

– Хорошо себя чувствуешь? Да? Не слишком холодно?

– Пощипывает, но терпимо!

– Идем дальше?

– Да!

Каждый пройденный метр – маленькая победа, каждый шаг приближает нас к цели. Дышать тяжело, но мы вместе поднимаемся к небу, усыпанному звездами.

В этот момент я вдруг понимаю, что мы дойдем до вершины. Это восхождение станет наградой за десять лет, на протяжении которых я мечтала, строила планы и задавала вопросы. В августе 2008 года, во время моего первого восхождения на ледник Балторо, на пути в Исламабад из Сарду, мы пролетали над Нангапарбат. Величественная, совершенная масса льда, с прекрасными очертаниями, с изрезанными гребнями. Мое сердце тут же вспыхнуло любовью к этой потрясающей горе. Скалы, покрытые льдом, притягивали мой взгляд.

Подняться на эту вершину зимой? Нереально, невозможно, говорила я себе тогда, этот ледник казался недостижимой целью. Но этот неизведанный край, полный вопросов, подогревал мое любопытство. Пять лет спустя я почувствовала, что готова преодолеть трудности, готова принять вызов,

который бросал мне этот гималайский гигант, одна из самых красивых вершин с удивительной историей. Цель была крайне заманчивой и амбициозной: совершить первое зимнее восхождение на Нангапарбат в альпийском стиле.

Зимние Гималаи потрясают меня. Я считаю, что зимнее восхождение на эти горы – вершина того, что может совершить альпинист, самое экстремальное приключение. Вернувшись однажды с Нангапарбат, я написала: «Каждый день на этой горе – как награда, шаг навстречу неизвестному, который приближает тебя к открытию себя самой и своих возможностей. Там, наверху, мы пережили мгновения, когда сердцу достаточно его самого и оно наполнено радостью жизни». Там я снова испытываю детский восторг, словно впервые открываю для себя чудеса этого мира.

В январе 2013 года я отправилась к Нангапарбат вместе с Даниэле Нарди. Денег, как всегда, было в обрез! Столько лет я мечтала попасть на эту гору зимой, и теперь поднималась по ее склону... Это было потрясающе. Почти при каждом шаге я приходила в восторг от того, что видела или чувствовала. Дважды, с промежутком в несколько дней, мы пытались совершить восхождение в альпийском стиле через ребро Маммери. Маршрут, по которому мы никогда не ходили летом, что уж говорить о зиме! Изменчивая погода, ураганный ветер и снег победили нас. Но я узнала уединение зимних Гималаев, никем не нарушаемый ледяной покой, когда ритм жизни замирает и все погружается в тишину. Мир, ско-

ванный льдом, выстуженный мощными ветрами. Я вернулась восхищенная, околдованная зимними Гималаями, покоренная, навеки отдав свое сердце этой жемчужине гор!

В 2015 году я вернулась сюда с Томеком. Мы прошли в альпийском стиле 7800 метров по маршруту Месснера 2000 года, без веревок, шерпов и дополнительного кислорода.

Одни во всем мире, поднявшись выше 6000 метров, при экстремально низкой температуре мы до последнего – четыре или пять дней – боролись со стихией. Но когда мы достигли 7800 метров, изменчивая погода заставила нас повернуть. На следующий год мы вернулись. На этот раз в базовом лагере одновременно оказалось несколько экспедиций, намеренных совершить первое зимнее восхождение. Мне не понравилась царившая там атмосфера – ни с кем нельзя было говорить открыто, все напряженно наблюдали друг за другом. 23 января мы с Томеком достигли отметки 7500 метров, но ужасный холод (-50°C) вынудил нас повернуть назад, не продолжать предусмотренный маршрутом подъем. На этот раз мы отступили не только перед холодом, но и перед ураганным ветром. Продолжать восхождение в тех условиях означало бы с риском для жизни пройти точку невозврата.

Томек шесть раз штурмовал зимнюю Нангапарбат и мечтал встретиться с богиней, о которой он так много думал.

Но сегодня мы оба наконец достигнем вершины нашей мечты! Мое сердце бьется чаще, эмоции переполняют меня.

Хочется кричать от счастья, но холод сковывает связки. Хочется плакать, но слезы мгновенно замерзают.

Последние метры. Я замечаю, что свет налобного фонаря Тома за моей спиной все отдаляется. Тьма между нами становится гуще. Но я все-таки вижу этот маленький огонек. Я подхожу к седловине. Я чувствую шеей порывы ледяного ветра, они пробирают до самых костей, хлещут по щекам, сдирают снежный наст и пригоршнями швыряют зернистый снег в лицо. Снег, похожий на железные опилки, бьет по лицу, будто отвешивает пощечины, режет глаза, хоть я и пытаюсь зажмуриться. Никогда еще мне не было так холодно. Я должна двигаться дальше, не могу больше задерживаться здесь. Поправляю воротник комбинезона, который защищает подбородок, застегиваю капюшон. Каждый пройденный метр – еще одна победа над собой. Делая короткие вдохи и выдохи, я могу идти быстрее, но вскоре высота снова начинает душить меня. Мышцы сокращаются механически, вперед, к вершине, я иду как Робокот.

Сейчас, наверное, 18 часов. Может быть, 18:30? Или больше. Я не знаю. Задышавшись, преодолеваю последние метры, чтобы добраться до кучи камней, из которой торчит палка, обмотанная веревками. Вершина!

Я падаю на колени перед этой палкой, повернувшись спиной к ветру, чтобы защититься от его порывов. Хлопаю руками по плечам, бедрам, икрам, пытаюсь согреться. Я задыхаюсь. В воздухе проносятся сверкающие снежные шлейфы.

Я прихожу в себя. Сейчас я нахожусь между двумя мирами – между землей и небом. Коленями на земле, во власти силы тяготения, но пальцами могу коснуться звезд.

Полнота и гармония этого места опьяняет. После целого дня усилий я наконец поднялась к звездам.

Я жду Томека, вижу, как приближается свет его налобного фонаря. Он совсем рядом. Дрожу от холода – жестокого, экстремального. Чувствую себя оглушенной, будто под наркозом, в котором смешались годы мечтаний и ледяной холод. Сейчас трудно отличить фантазию от реальности. И только непрерывные попытки согреться убеждают меня в том, что все это происходит на самом деле. В свете моего фонаря затвердевшие, покрытые инеем молитвенные флаги мотаются на ветру.

Я на вершине Нангапарбат, зимой, через десять лет после того, как впервые увидела эту гору и была поражена ее красотой! Я не достаю ни коммуникатор, ни камеру – для этого нужно снять перчатки, а я не хочу, не могу. Я окоченела, насквозь промерзла. Подожду Томека, чтобы увековечить этот момент, и самое главное, чтобы обнять его. Мы наконец покорили Нангапарбат! Много лет мы до дрожи хотели этого, мечтали попасть сюда! Этот день был таким длинным, таким трудным!

Как всегда, поднявшись на вершину, несколько минут я ни о чем не думаю и стараюсь проникнуться атмосферой этого удивительного места. Во время восхождения я испытыва-

ла приступы безудержного счастья, на меня будто сходила лавина радости, сердце отчаянно билось, я кричала и плакала от восторга. На вершине все иначе – я не позволяю эмоциям завладеть мной. Может быть, это нужно, чтобы оставаться ногами на земле – правило, которому я неукоснительно следую. Вершина может считаться покоренной, только когда ты спустишься с нее. Победой наслаждаются в базовом лагере, когда рисковать больше не нужно и уровень адреналина в крови падает. Это всегда так.

Я думаю о спуске, который будет не менее трудным. Экспедицию нельзя считать законченной, пока мы не спустимся сегодня в Четвертый лагерь, а завтра – в базовый. Только там можно будет говорить о покорении вершины, не раньше.

25 января 2018 года

Вершина Нангапарбат, 8125 метров

Я жду Томека, чтобы запечатлеть этот момент, чтобы обнять его. Наша мечта осуществилась, после того как столько лет мы трудились, готовя совместное восхождение. Это самый прекрасный момент, который нам довелось пережить. Томек идет медленно, но неуклонно приближается. Свет его налобного фонаря не позволяет разглядеть его лицо. Но я вижу, что его правая щека обледенела. Наверняка он тоже окоченел от холода и очень устал. Я встаю, чтобы обнять его. Его голубые глаза, окруженные гроздьями ледышек, совсем близко. Наконец мы можем больше не сдерживать нашу радость! Мы встретились на вершине! Я кричу:

– Томек! Йееесс!

– Эли, что у меня с глазами? Эли, я не вижу свет твоего фонаря, я и тебя едва вижу. Все какое-то размытое!

Мгновение длится вечность. Все летит в пропасть. Мне становится так страшно, что даже тошнит. Падаю на колени, ноги от ужаса стали ватными и больше не держат меня. Слова Томека снова и снова звучат в моей голове. Я хочу, чтобы они исчезли, чтобы никогда не были произнесены. Я не хочу слышать то, что невозможно вынести. Не хочу знать о

том, чего уже не исправить. Но взгляд его испуганных глаз, окруженных заиндевевшими ресницами, говорит о том, что эти слова навсегда останутся в моем сердце и в моей голове.

Меня внезапно выдернули из чудесного сна, в котором я парила над землей, и теперь я падаю в черную бездну. Это невозможно, ужасно, сейчас я проснусь, а кошмарный сон закончится! Мне показалось! Но меня бьет дрожь, накрывает паникой. Мозг перебирает ситуации, с которыми я уже сталкивалась в горах. За долю секунды меня бросает от отчаяния к надежде, и обратно. Томек ослеп, поднявшись на вершину своей мечты! Я зажмуриваюсь, слезы тут же замерзают, превращаются в лед. Я ничего не вижу, тру глаза. Льдинки царапают кожу, как наждачная бумага.

Сейчас, когда я вспоминаю об этом, мне больнее всего от мысли, что Томек не увидел вершину, о которой столько мечтал. Как будто ему не позволили прикоснуться к святому Граалю...

Мы на высоте 8125 метров, совершенно одни, и Томек ничего не видит! А что если я не смогу ему помочь? Не смогу его спустить? Кругом темнота, жуткий холод, а мы так высоко!

Я просто уничтожена. Всего одно мгновение, а мир пошатнулся, и мы перешли в режим выживания. Но почему мы оба все еще здесь? Нужно спускаться. Я должна реагировать быстро. Заставляю себя справиться с волнением, нужно сосредоточиться, отключить эмоции. Нужно быть прагма-

тичной. Я должна справиться с этой проблемой. Как в 2015 году, когда Томек сорвался в трещину. Падая, он кричал: «Эли! Элии! Элиииии!», и эхо повторяло звуки его падения! Мне кажется, я до сих пор слышу его голос. Но сейчас мы на высоте более 8000 метров. Чтобы спуститься в базовый лагерь, который находится на отметке 4200 метров, нужно пройти траверсом над Четвертым лагерьем. В этом сложность обратного пути, который мы выбрали.

Подхожу к Тому, обнимаю его. Мы прижимаемся друг к другу. На краткий миг время останавливается. Но приходится взять себя в руки: нужно действовать, и быстро! Необходимо немедленно начинать спуск. Я стану глазами Томека, его проводником.

– Не волнуйся, Том. Держись за мое плечо. Будем спускаться.

Правой рукой я обхватываю его за плечо, разворачиваю и веду, подставив лицо ветру.

Говоря ему эти слова, подбадривая его, сама я погружаюсь в пучину ужаса. Себя я обманывать не могу: произошла катастрофа, и разбираться с последствиями придется мне. Мы оба должны остаться в живых и вернуться. Быстрый спуск вниз – наша единственная надежда. Будет непросто, но мы выживем.

Я беру его левую руку, кладу на свое правое плечо.

– Том, держись! Держись за меня. Пусть твоя рука будет на моем плече. Не отпускай меня. Пойдем потихоньку. Не

волнуйся, у нас все получится.

– Хорошо, Эли.

Мне не нравится, как звучит его голос. Том напуган. Он сейчас как потерявшийся ребенок. В его ослепших глазах столько отчаяния!

Начинаю продвигаться вперед. Сердце отчаянно колотится, голова кипит от мыслей. Первые метры обратного пути не самые трудные. Я постоянно проверяю, что впереди. Холод пробирает до костей. Я щурюсь навстречу свирепому ледяному ветру, который постоянно дует в лицо. Слезы замерзают на ресницах, на щеках. Я вытираю лицо рукой, и на мгновение тоже слепну.

Оборачиваюсь к Тому. Кажется, что его лицо превратилось в камень, оно все в белых и голубоватых пятнах, покрыто инеем. Все в инее – ресницы, брови, рыжая щетина на щеках.

– Том, ты в порядке?

– Да, Эли. Холодно, но я в порядке.

Тревога немного отпускает меня, мы входим в ритм. Медленно, очень медленно, но спускаемся. Каждый шаг – победа, движение к жизни, к базовому лагерю.

На скально-ледовом участке, где под ногами снег, лед и камень, вбивать зубья кошек нужно особенно тщательно. Все мои силы уходят на то, чтобы не оступиться и следить, чтобы не оступился Том. И еще на то, чтобы держаться вместе. О том, что будет дальше, я не думаю. Я вся в настоя-

щем, в том, что происходит прямо сейчас. Осторожно прохожу первый отрезок пути, поддерживая Томека – его рука на моем плече. Каждый шаг требует такой сосредоточенности, что я забываю о холоде. Дыхание становится прерывистым, мышцы напряжены, живот светло. С удесятеренным вниманием я слежу за каждым движением Томека. Теперь мы будто один человек. Я стала его глазами, мои ноги и руки стали его руками и ногами, мой голос ведет нас обоих. Холод пугает меня. Я уже промерзла до костей, мы так медленно спускаемся, и я не знаю, сколько еще выдержу.

Томек по-прежнему опирается на мое плечо. Я поддерживаю его то справа, то слева, в зависимости от наклона горы. Я должна найти эффективные, соответствующие ситуации движения и повторять их. Повторять одни и те же движения – это мне знакомо с детства. До восемнадцати лет я занималась гимнастикой. Меня так воспитывали, учили повторять отдельные элементы, чтобы добиться идеального выполнения. И логика, позволяющая выбрать оптимальный режим движения, включается автоматически. Переставляю одну ногу, потом другую, опираюсь рукой на один ледоруб, другой висит на карабине. Потом повторяю всю последовательность действий для Томека, контролирую его движения, точки опоры, так, будто это мои движения. Снова и снова. Устанавливается некая рутина, она помогает мне на время забыть обо всем остальном. Мне холодно. И Томеку тоже. Я знаю, что мы идем слишком медленно, но все-таки мы спус-

каемся.

Ураган вопросов вновь обрушивается на меня: смогу ли я провести Томека по этому непростому участку? Сколько сейчас времени? На таком холоде мы долго не продержимся. Моя цель – добраться до Четвертого лагеря. Путь до него нужно разбить на этапы. Проходить отрезок за отрезком. Я ставлю себе цель, фиксирую в уме точку, которую нужно достичь. Затем еще одну. Сначала смешанный участок. За ним кулуар. Дальше будет видно. Я знаю, что нас ждет долгая и страшная ночь. Холод? Ветер? Что ж, единственный выход – двигаться. Не останавливаться, спускаться, менять направление, но все равно пробиваться сквозь ледяную ночь, идти вперед, навстречу тьме. Я должна бороться за Томека, за нас обоих, должна спустить его вниз!

Мне очень холодно. Время от времени приходится останавливаться и разминаться: махать руками, прыгать на месте, хлопать руками по коленям, чтобы усилить приток крови к конечностям. Растирать спину Томеку. Заставлять его двигаться как можно больше, хотя он все время замирает на месте, неподвижный, как мумия. Подбадривать его.

Налобный фонарь освещает только самое важное – то, что прямо передо мной. Я знаю, что вокруг огромный пустынный склон, но заставляю себя сосредоточиться на этом пятне света и на том, чем я занята в эту самую минуту. На тех шагах, которые я должна сделать. На шагах Тома. Мы постоянно поддерживаем равновесие. Все мое внимание отдано

настоящему, тому, как я выполняю повторяющиеся движения. На некоторое время это позволяет забыть о вопросах и страхах, которые терзают меня; я полностью поглощена тем, что делаю. Вбить кошки, вбить ледоруб, поддержать Тома — снова и снова, почти автоматически я повторяю этот набор движений.

Время уходит, стремительно утекает. Я говорю с Томеком столько, сколько могу, и когда маршрут позволяет. Я подбадриваю его, стараюсь, чтобы он не терял надежду. Я говорю с ним о его жизни в Ирландии, о его детях, об Анне, о вершине, о том, как нам будет тепло, когда мы вернемся в базовый лагерь. Но он выглядит отстраненным и отвечает односложно.

Пройдя смешанный участок, мы вступаем в снежный кулуар, стены которого изрезаны ветрами. Идти здесь легче, и мы можем немного ускориться. Я протягиваю палку назад, Том держится за нее и следует за мной. Я внимательно обхожу волнистые ледяные выступы, которые иногда так похожи на ступени. Я все время направляю его; останавливаю, когда трещина, которую нужно перешагнуть, слишком широка.

Мне холодно. Я чувствую, как во мне поднимается досада, злость. Почему это происходит со мной? Почему Том в таком состоянии? Он что, не мог внимательнее отнестись к своему здоровью? Я считаю, что это несправедливо по отношению ко мне. Почему с моим напарником всегда что-то случается? Почему именно мне всегда приходится разгре-

бать дерьмо? Что стало с правилами, которые мы всегда соблюдали: прислушивайся к своему состоянию, трезво оценивай ситуацию, води себя разумно, не доводи до крайностей, и если хоть что-то не в порядке, тут же возвращайся назад?

В полной темноте я начинаю спускаться в бездну. Оборачиваюсь к Томеку и вижу, что он снял свою маску Баф, и нос у него совсем побелел. Я кричу:

– Томек! Надень Баф, спрячь лицо!

Но Тому трудно дышать. Он надевает и снова снимает маску. Я останавливаюсь.

– Том, надень Баф, ты отморозишь нос.

– Эли, я не могу дышать! Я задыхаюсь!

Его слова снова и снова раздаются в моих ушах. Что это? Отек? Боже мой, может быть, у Томека начинается отек легких? Я бормочу проклятия, я растеряна, чувствую себя беспомощной, видя, как быстро ему становится хуже. Меня снова захлестывает паника.

– Эли, у меня очень мерзнут руки.

Я быстро достаю аптечку. Снимаю перчатки, достаю шприц и дексаметазон – глюкокортикостероид, который используют при внезапном отеке легких. Убираю перчатки в комбинезон, чтобы они оставались теплыми. Пытаюсь сделать Томеку укол, но иголка, едва проткнув ткань комбинезона, ломается!

– Том, твою мать, что у тебя под комбинезоном?!

– Мембрана Gore-Tex. Я оставил Gore-Tex.

– Черт побери!

В этой аптечке у меня только одна иголка. Эта – на случай форс-мажора, остальные в Четвертом лагере! Я роюсь в другой аптечке, даю Тому четыре пакетика по 400 миллиграммов дексаметазона. Доза большая, но как раз для его веса. Я стараюсь следовать советам, которые дал мне мой врач перед тем, как я отправилась в эту экспедицию.

Мы меняемся перчатками. Томеку уже не так холодно. Начинаем обратный путь. Ему чуть легче дышать, но по-прежнему трудно оставаться в маске. Нужно как можно скорее спускаться ниже. Это сейчас важнее всего.

Что с Томеком? Сильный приступ горной болезни, отек легких? Точно сказать не могу, но ему очень плохо. Когда кровеносные сосуды жизненно важного органа, такого как легкие или мозг, отекают, давление в них увеличивается, начинается утечка плазмы, жидкой части крови. Это приводит к коме. При отеке легких они заполняются жидкостью. При отеке мозга разрушается нервная система. Если начинается отек, нужно немедленно спуститься как можно ниже, надеясь, что еще не слишком поздно, ведь если процесс не остановить, легкие или мозг погибнут. У нас нет дополнительного кислорода, который мог бы замедлить повышение давления и приток жидкости в легких Тома.

Я подталкиваю его, подбадриваю, борюсь. Мы должны спуститься, должны бежать отсюда. Я все время говорю с Томом. Не знаю, понимает ли он меня, слышит ли вообще.

Кажется, он настолько погрузился в свои мысли, что даже не чувствует боли. А ведь еще несколько часов назад мы были полны радости...

Я контролирую каждое его движение и каждое свое. Я постоянно верчу головой: вверх – вниз, вперед – потом на То-мека, и снова... Действую как автомат.

Единственное, что поддерживает меня, – мантра, которую я твержу без остановки: спуститься в Четвертый лагерь, спуститься в базовый лагерь, живыми вернуться домой. Я хочу, чтобы Томек снова увидел Анну, хочу обнять своего мужа. Цель кажется такой далекой, но это единственное, что заставляет меня двигаться вперед теперь, когда все пошло не так.

Я направляюсь в кулуар, по которому мы будем спускаться. Вбиваю зубья кошек. Чтобы направлять Томека, я протягиваю палку назад, и он цепляется за нее. В другой руке я держу ледоруб. Этот инструмент – единственное, что поможет нам удержаться, если Томек поскользнется. Веревка была бы гораздо удобнее и практичнее. Но у нас не было ни одной причины брать ее с собой. Разве что на всякий случай.

Я понимаю, что мы больше не идем по своим следам, которые оставили во время подъема. Мы миновали смешанный участок у входа в кулуар. Дельше идем по льду. Продвигаемся довольно медленно, но в целом дела идут неплохо. Я подбадриваю Тома как могу.

Но он почти не отвечает, изредка произносит только «да»

или «нет».

Я вбиваю ледоруб в твердый снег. Вбиваю зубья кошек. Делаю шаг вниз. Том следует за мной, но у него нет ни ледорубов, ни кошек. Куда он их дел?

Склон становится более крутым. Между белыми стенами кулуара идти было спокойнее, но впереди нас ждет крошечная тьма. Выход из кулуара. Трудно хоть что-то рассмотреть впереди. Я сажаю Тома на большой камень. Ищу лучший вариант маршрута. Я помню, что в конце кулуара есть скалистый поперечный выступ. Мы должны свернуть, не доходя до него. Я снова доверяюсь своим инстинктам, через десять метров нахожу оптимальный путь! Я запоминаю стенку и как до нее дойти. Выключаю налобный фонарь, жду тридцать секунд, чтобы включилось ночное зрение. Теперь я вижу, что находится дальше. Отлично, пройдя вдоль этой стенки, мы выйдем на склон. Спешу обратно к Тому. Ноги горят, я задыхаюсь, не могу контролировать дыхание. Мне кажется, что сердце не выдержит нагрузки. Чтобы не терять времени, пытаюсь согреться, но медлить больше нельзя.

– Ну, Том, идем! Возьми мои палки и следующие десять метров иди с ними. Потом снова обопрешься на мое плечо.

Мы идем по твердому участку, подвергнутому сильному воздействию ветра. Здесь полно больших и маленьких трещин, неровностей. Дальше начинается скально-ледовый участок. Иногда я прислоняю Тома к стене, чтобы он мог как следует опереться. Ему удастся спуститься по твердо-

му участку. Я все время иду рядом с ним. Мы продолжаем спуск, но все еще находимся очень высоко.

Я протягиваю ему руку, координирую все его движения во время нескольких следующих шагов. И мы преодолеваем эту опасную зону. Я вбиваю ледоруб до основания ручки. Я хорошо закрепилась. Снег здесь не такой тяжелый, и склон не такой отвесный. Мы продолжаем спуск, уже добрались до веревочных перил. Я полна оптимизма: через несколько часов мы уже будем в тепле, заберемся в спальники.

Ледяной ночной ветер заставляет действовать энергичнее. Я делаю большие махи руками, чтобы согреться. Интересно, какая сейчас температура, учитывая ветер? -50 °С, -60 °С или ниже? Жесткость погоды⁶ ужасная. Никогда в жизни я еще не испытывала такого всепроникающего холода. Это едва можно вытерпеть.

– Том, ты как? Не слишком замерз?

– Замерз! Мне очень холодно!

Я энергично растираю ему спину.

Осматриваюсь. Мы высоко, все еще очень высоко. Нужно продолжать спуск. Идти дальше, пока мы еще можем. Благодаря тому, что связь между нами так крепка, благодаря тому, что наши действия достигли автоматизма, благодаря тому, что мы работали в связке в стольких экспедициях, этот аварийный спуск проходит в штатном режиме. Томек борется. Но он устал и измучен, ему с каждым шагом становится

⁶ Ощущения человека при одновременном воздействии на него мороза и ветра.

хуже из-за высоты и холода. Когда он открывает рот, у него леденеет язык. Когда пытается сделать вдох, ледяной воздух обжигает легкие. Мне так его жаль! Боль, которую он чувствует, терзает мое сердце. Он весь – одно сплошное страдание, но я не могу разделить его с ним, чтобы хоть немного помочь в борьбе за жизнь.

Я глубоко вздыхаю и отворачиваюсь. Темнота спасает – я больше не вижу лица Томека, на него просто невозможно смотреть. Мысли вихрем проносятся в моей голове. Мы продолжаем путь в гнетущей тишине.

Внезапно я чувствую себя очень одинокой, потерянной, уязвимой.

На склоне под вершинной пирамидой я смотрю на Томека при свете своего налобного фонаря. Его нос совсем побелел, обледенел. Из рта течет кровь. Увидев кровь, я прихожу в ужас. В его глазах усталость, страдание, страх. Я в шоке и просто не могу говорить. Он протягивает ко мне руки, пальцы скрючены, как когти хищной птицы.

– Эли, я не могу сжать кулаки.

Думаю, в этот момент мы оба поняли, что руки он уже потерял. В базовом лагере, когда мы ждали погодного просвета, чтобы начать восхождение, Томек подробно рассказал, что ему довелось пережить на Нангапарбат в 2015 году и о том, как он страдал после падения в трещину, из которой я его вытащила; о том, как обморозил пальцы на ногах. Он затянул с лечением, в раны попала инфекция. Он очень стра-

дал и не хотел, чтобы это когда-нибудь повторилось. Он говорил: «Руки нужны мне, чтобы работать. Без них я ничего не смогу делать!»

Тому очень холодно, его без остановки бьет дрожь. Я крепко обнимаю его. Он просит еще таблетку, без нее он не может идти дальше. В базовом лагере он показал мне маленькую круглую таблетку и сказал: «Принимай, если чувствуешь, что выдохлась». Я думала, это амфетамин, но оказалось, что это обычный энергетик.

Я пытаюсь успокоить его:

– Томек, нужно идти дальше. Держись за мое плечо и спускайся по веревкам.

Я поддерживаю его, потому что сам он больше не может держаться за веревочные перила, кисти рук не работают. Он опирается только предплечьем. Для подстраховки пристегиваю его к веревкам карабином, пристегиваюсь сама, и так мы добираемся до того места, где перила кончаются. Том совсем без сил.

– Том, каждый пройденный метр – это победа, лагерь все ближе. Давай, мой хороший!

В голове у меня пусто. Я должна сосредоточиться на том, что будет дальше, идти вперед, но не могу. Перед глазами так и стоит лицо Томека.

Не могу забыть, как ужасно он выглядит. Господи, помоги нам!

Я понимаю, что мы не доберемся до палатки. Сейчас мы

на высоте 7522 метра. Можем спускаться, но не можем свернуть и подняться в сторону Диамирского ледника. Этого Том не выдержит, его силы на исходе. Мы в западне, это то самое слабое место нашего обратного пути, о котором я столько думала в базовом лагере, о котором мы столько говорили. Я уверена, что если мы остановимся, нам конец: идти дальше мы не сможем.

Увидев кровь, текущую у Томека изо рта, я начинаю паниковать. Если я не смогу хоть что-то сделать для него, он замерзнет здесь, останется вечным пленником Нангапарбат. Мы всегда справлялись сами, мы отправились сюда, отдавая себе отчет в том, как рискуем, выбрав альпийский, облегченный стиль восхождения. Но теперь, несмотря на наши принципы, я должна сделать все возможное, чтобы вырвать его из когтей Нангапарбат. Я должна послать сигнал SOS, это мой долг. Для Тома это вопрос жизни и смерти. Я нарушаю все наши принципы, но я боюсь за него, за его жизнь.

23:10. Я отправляю сообщение мужу и просьбу о помощи Людовику: *«Тома нужно срочно спасать. Обморожение. Ничего не видит. Обратись к Али. Срочно. Высота 7522 м».*

Я также посылаю сообщения Анне и в базовый лагерь – Альтафу, пакистанскому военному. Людовик тут же отвечает: *«Ок».*

Я чувствую – что-то изменилось. Теперь не я одна пытаюсь помочь Томаку. Жан-Кристоф, Анна и Людовик вместе со мной. Вижу свет надежды, вспыхнувший после того, как

увидела страшное лицо Тома. Вспоминаю разговоры с Томом, Али и Даниэле о спасательных службах Пакистана, о том, на какой высоте они могут работать. О разведывательных полетах выше 7000 метров на Гашербрум-I и на ребро Мазено. Но возможно ли посадить вертолет? Провести спасательную операцию при таком ветре и холоде? Я снова говорю об этом с Томом. Мы слишком высоко, нужно спускаться. Жду новостей от Людовика.

Жан-Кристоф присылает сообщение, пытается успокоить и поддержать. Пишет, что теперь на связи с нами будет Людовик, чтобы экономить заряд батареи моего коммуникатора и не дублировать сообщения. Людовик будет поддерживать связь между мной, Европой и Пакистаном.

Я чувствую, что больше не одна и нахожу еще немного сил для нас обоих. Теперь я могу не думать только о том, как ужасно обморожен Том, снова на миг, на краткий миг ко мне возвращается надежда. Истерзанный мозг чувствует облегчение, как будто в запертый дом проникает свежий воздух. Мы продолжаем бороться, но теперь мы не одни на этой горе. Анна посылает Томеку лучи поддержки, Жан-Кристоф помогает нежными, важными для меня словами, Людовик ведет меня, оказывает информационную поддержку.

Да, мы одни среди ледяного холода, пугающей тишины и крошечной темноты, но я больше не чувствую себя одинокой.

Еще одно сообщение от Людовика: *«Все организуем. Не*

рискуй. Если нужно, спускайся одна». Я тут же отвечаю: «Спасибо. Здесь кошмар. Замерзаю. Не в лагере. Очень боюсь за Томека».

Продолжаю спуск с Томом. Следующий участок проходим легче. Я смогла пристегнуть нас к веревкам. Держу Тома за локоть. Не хочу повредить его обмороженные руки. Говорю ему, что Людовик начал готовить спасательную операцию. Но мы оба знаем, что находимся еще слишком высоко, чтобы вертолет мог добраться до нас.

Я могу идти, вести Тома и читать сообщения. Но не могу отвечать Людовику. Снять перчатки невозможно. Пальцы леденеют за пять секунд.

Людовик старается меня успокоить. 23:27: «На телефоне с Али. Он пытается все организовать. 100 % завтра утром». Минутой позже приходит еще одно сообщение: «Можешь спуститься одна? Ищем варианты помимо Али».

Проходит пятнадцать минут. Том вымотан, ему нужно отдохнуть. Я усаживаю его на снежный гребень.

Он уже не может сидеть сам, утыкается головой в меня, я загораживаю его от ветра. Не понимаю, о чем пишет Людовик. Оставить Тома? Немыслимо! Я вызвала помощь для него, это не я в опасности, а он! Ему должны помочь, немедленно спустить вниз. Почему Людовик спрашивает, могу ли я спуститься одна?

Отвечаю: «Я не оставляю Тома. Боюсь только спускаться по леднику. Том столько не пройдет». И больше ничего.

Ледник я упомянула как главный аргумент: перейти его мы не сможем. И точка. Важнее всего спасти Тома. Я выключаю коммуникатор.

– Ну же, мой хороший, давай. Нужно двигаться, иначе мы не выберемся. Нужно двигаться, Том. Давай! – Он не шевелится. – Ну же, Том, ради меня! Давай!

Я помогаю ему встать. Ему больно, он стонет. Я молюсь про себя. Молюсь, чтобы его спасли, избавили от страданий. Я пристегиваю страховочную систему Тома к веревке – так он будет в безопасности, если упадет. Веревку хорошо видно, выглядит она прочной, похоже, ею вполне можно пользоваться. Зимой это невероятная удача! И мы снова начинаем спускаться.

Снег снова становится плотным, ветер хорошо над ним потрудился. Свет моего фонаря освещает изогнутую снежную стену высотой в метр. Я помогаю Тому спускаться, но удерживать его мне трудно. Два шага вниз, потом снова подняться на метр, который мы с таким трудом только что прошли. Подниматься Тому невероятно трудно. Я вырубаю для него ступеньки моими кошками, потом утаптываю снег, чтобы ему было легче идти. Лицом к нему, согнувшись вдвое, поддерживаю его за плечи. Изо всех сил тяну на себя. Ничего не получается. Он не может опираться руками.

Нужно действовать по-другому. Я снова спускаюсь. Вырубаю ступени ледорубом. Надеюсь, что теперь они достаточно широкие, чтобы Том мог наступать всей ступней. Пока я бы-

ла занята этим, Том сел. Его голова опущена, руки прижаты к груди, колени тоже подтянуты к груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.